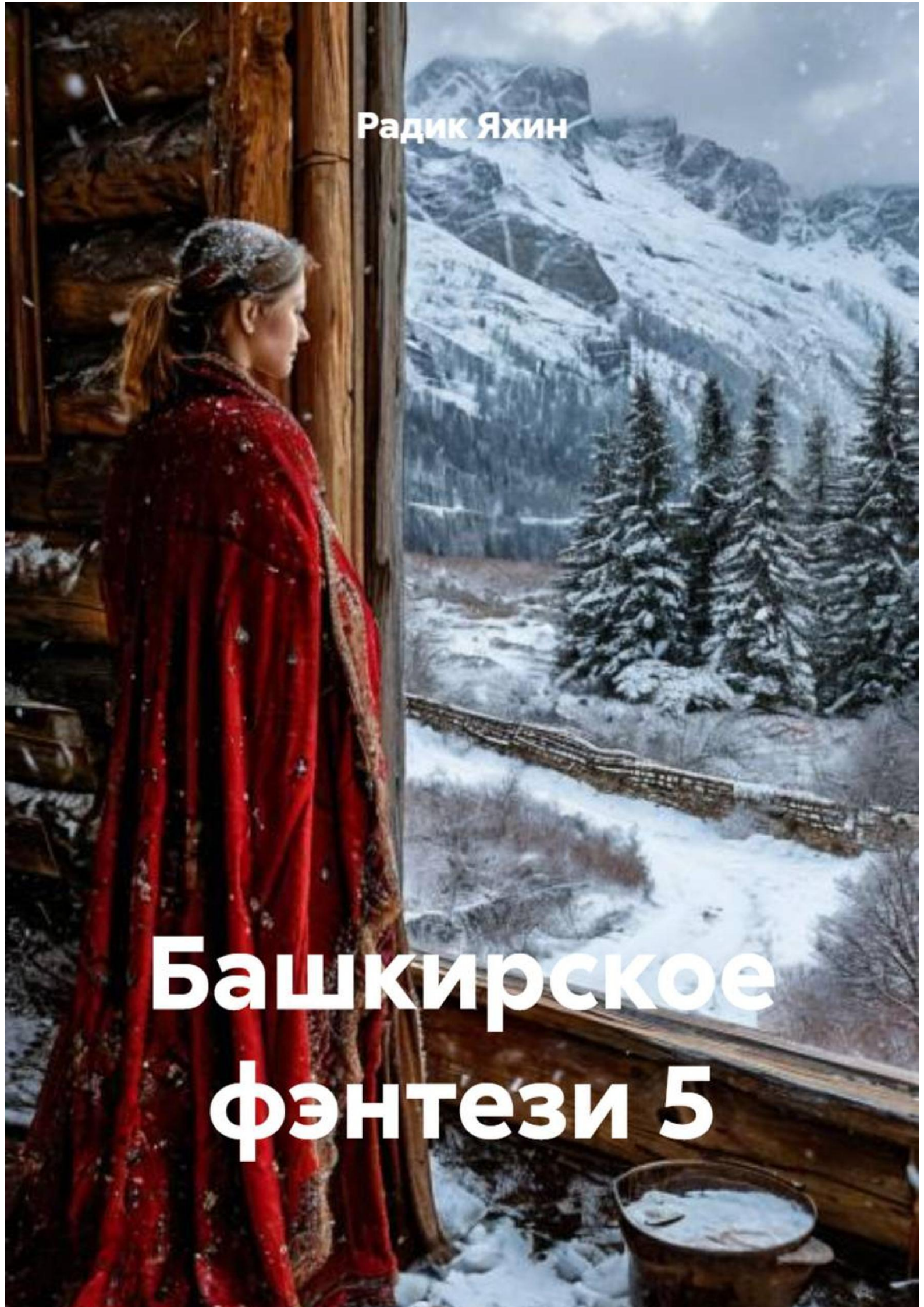

A woman with blonde hair tied back, wearing a vibrant red velvet cloak with a fur-trimmed collar, stands in profile looking out of a large wooden window. The window frames a breathtaking winter scene: a snow-covered mountain range under a cloudy sky, with a dense forest of evergreen trees in the foreground. A stone wall runs across the middle ground. In the bottom right corner, a wooden bucket filled with water sits on the floor.

Радик Яхин

Башкирское фэнтези 5

Радик Яхин

Башкирское фэнтези 5

«Автор»

2026

Яхин Р. С.

Башкирское фэнтези 5 / Р. С. Яхин — «Автор», 2026

В заснеженной усадьбе Ак-Чишма, затерянной у предгорий Иремеля, вдова Диляра Муратова пытается разгадать тайну гибели мужа. Год назад Данила Муратова привезли домой завернутым в войлок — якобы он упал с коня на охоте. Но в глазах слуг и старейшин Диляра прочла иное: в смерти её супруга была чужая злая воля. Единственная ниточка к разгадке — древний расколотый аметист, реликвия рода, что испокон веков охраняет усадьбу от злых духов. Камень холоден и безмолвен, но порой отзывается едва уловимым теплом, будто живое сердце. А иногда в глубине его трещин мелькает загадочный фиолетовый отсвет...

© Яхин Р. С., 2026

© Автор, 2026

Радик Яхин

Башкирское фэнтези 5

Разбитый Аметист

Ветер с предгорий Иремеля выл в печных трубах усадьбы Ак-Чишма, словно заблудшая душа. Диляра стояла у огромного окна гостиной, стиснув в холодных пальцах край шали. За стеклом бушевала ранняя зимняя метель, заметая следы на дороге, что вела прочь от этого места, и следы на её жизни. Год. Ровно год, как карета с гербом Муратовых привезла тело её мужа, Данила, завернутое в простой войлок. Не в шелках и не в доспехах, а в грубой ткани, будто он был простым джигитом, а не главой древнего рода. Погиб на охоте, сказали. Упал с коня. Но Диляра читала в беглых взглядах слуг, в потупленных очах старейшин: была там и стрела, и чья-то чужая, злая воля. Поместье, некогда наполненное смехом, музыкой и теплом, теперь дышало тишиной. Тишиной, которую нарушал лишь вой ветра да тиканье маятника старинных часов в углу. Её единственным верным стражем и собеседником стал Аметист. Не целый, прекрасный самоцвет, а разбитый, расколотый на две неравные части камень величиной с кулак. Он лежал на резном дубовом столике у камина, вмурованный в серебряную оправу, что скрепляла его осколки, не давая рассыпаться окончательно. Этот камень охранял Ак-Чишму испокон веков. Говорили, пока его части вместе, пока он в стенах родового гнезда, злым духам и дурным людям нет здесь пути. Диляра скептически касалась пальцем прохладной, иссеченной трещинами поверхности. Он охранял покой дома, да. Но как он мог охранить её сердце? Оно было разбито куда сильнее, чем этот фиолетовый кристалл. В дверь постучали. Вошла Амина, пожилая ключница, ее лицо, испещренное морщинами, было похоже на высохшую грушу. «Диляра-ханым, приехал Айрат-эфенди. С очередными отчетами по имению и... с письмом». Диляра кивнула, не отводя взгляда от метели. Айрат. Младший брат Данила. Деловой, практичный, с холодными, как горный ручей, глазами. После гибели брата он взял на себя все внешние дела, а ее, вдову, будто поставили в красивую фарфоровую вазу на полку – живи, существуй, не мешай. Она повернулась и пошла в кабинет, где уже ждал Айрат. Он стоял у карты, изучая владения Муратовых, и без тени смущения повернулся к ней, когда она вошла. «Диляра. Погода ужасная. Дороги занесет. Я, пожалуй, заночую в восточном флигеле, если позволишь». Его тон был ровным, но в словах слышалось не просьба, а констатация. «Конечно, Айрат. Ты как родной». Фраза повисла в воздухе горькой усмешкой. Ничего родного в нем не было. Он протянул ей сложенный лист бумаги с сургучной печатью. «От нашего соседа, Тимура Сафина. Снова предлагает обсудить продажу южного луга. Говорит, земля там бесплодная для нас, а ему для выпаса не хватает». Диляра взглянула на письмо, не беря его. «Луг не продадим. Данил говорил, что там ключ бьет, живительный. Просто русло засыпало». Айрат усмехнулся коротко и сухо. «Данил много чего говорил. И где он теперь? Мы должны быть практичны, Диляра. Тебе нужны средства, чтобы содержать это... все». Он обвел рукой кабинет, полный книг, дорогих, но старых вещей. В его жесте читалось пренебрежение. «Аметист еще цел?» – неожиданно спросил он, и его холодный взгляд скользнул в сторону двери в гостиную. «Цел, – ответила Диляра, чувствуя внезапную дрожь вдоль спины. – На своем месте». «И хорошо. Пусть охраняет». Айрат вышел, оставив после себя запах холодного ветра и конской сбруи. Диляра осталась одна. Она подошла к Аметисту, взяла тяжелую оправу в руки. Камень, обычно лишь прохладный, вдруг отозвался едва уловимым, глухим теплом, будто живое сердце. В тот же миг в окно ударил особенно сильный порыв ветра, загасил две из трех свечей в люстре, и в полумраке Диларе показалось, что из глубины одной из трещин мелькнул слабый, фиолетовый отсвет. Она отшатнулась, чуть не уронив реликвию. Суеверный страх, дремавший в ней весь этот год, проснулся. Возможно, камень чувствовал что-то. Что-то плохое. Или... предупре-

ждал. Поставив Аметист на место, она твердо решила завтра же, не взирая на метель, поехать в южный луг. Увидеть все своими глазами. Нужно было что-то делать, а не просто ждать, пока Айрат или такие, как Сафин, разорят на части память о Даниле. Она не заметила, как в окно флигеля, где поселился Айрат, на миг брызнул желтый свет фонаря. А в свете том мелькнула тень – не его одна, а две, сблизившиеся для короткого, но оживленного разговора.

Следующее утро встретило ледяным безмолвием. Метель утихла, укутав мир в толстое, белое одеяло. Диляра, вопреки протестам Амины, велела оседлать самого выносливого коня – вороного Иделя. Надев дубленый тулуп и валенки, она сама вывела его со двора. Айрат, увидев ее сборы, лишь поднял бровь. «Романтичные порывы, Диляра-ханым, редко приводят к добру. Особенно зимой». Она не ответила, лишь кивнула стражнику у ворот, молодому парню по имени Рашид, чтобы он сопровождал ее. Дорога на южный луг была тяжелой. Кони проваливались по брюхо в сугробы, и только знание Рашидом местности позволяло двигаться вперед. «Зачем мы едем, ханым?» – спросил он наконец, с трудом переводя дыхание. «Чтобы вспомнить, что мы еще хозяева здесь, Рашид», – тихо сказала Диляра, и слова её, окрашенные морозным паром, повисли в воздухе как клятва. Луг предстал перед ними белым, нетронутым полем, окаймленным темным частоколом леса. Именно у кромки леса, как рассказывал Данил, когда-то бил ключ. Диляра спешила и, проваливаясь в снег, пошла вдоль опушек, вглядываясь в рельеф. Рашид беспокойно следил за ней, потом принялся обкапывать копытом Иделя один из пригорков. И вдруг конь зафыркал и отпрянул. Под тонкой коркой наста обнажилась промоина, а из нее – слабый парок. «Здесь!» – крикнул Рашид. Диляра подбежала, упала на колени и стала разгребать снег руками. Под полуметровой толщей открылась промерзшая земля, а в ней – узкая расщелина, из которой действительно шел легкий пар. Не вода, нет, но явный признак жизни под землей. Сердце её забилося чаще. Данил был прав. Значит, и в остальном он мог быть прав. И его смерть... Внезапно Идель тревожно заржал и встал на дыбы. Рашид обернулся к лесу, хватаясь за нож за поясом. Из-за темных стволов, бесшумно, как призраки, выехали трое всадников. Не местные. Одежда их была простая, но добротная, лица закрыты от ветра высокими воротниками, а взгляды – оценивающие, жесткие. «Кто вы? Что вам на землях Муратовых?» – крикнула Диляра, поднимаясь, стараясь, чтобы голос не дрогнул. Всадники переглянулись. «Земля, видно, ничья, барыня, – произнес один, старший, с шрамом через бровь. – Следов хозяйских не видно. Мы охотники, дорогу ищем». Ложь висела в воздухе гуще пара от ключа. Они слишком целенаправленно выехали именно сюда. «Хозяин здесь я, – холодно сказала Диляра. – Диляра Муратова. Убирайтесь». Шрамованный усмехнулся, и его рука медленно потянулась к рукояти кинжала у пояса. В этот момент где-то далеко, со стороны усадьбы, раздался протяжный, тревожный звук рога. Сигнал тревоги. Лица всадников изменились. «Не время, – буркнул один из них. Шрамованный кивнул, бросив на Диляру долгий, обещающий взгляд. «Увидимся, барыня Муратова. Обязательно увидимся». Они развернули коней и скрылись в лесной чаще так же бесшумно, как и появились. Диляра, вся дрожа не от холода, а от ярости и страха, оперлась на гриву Иделя. Они знали, кто она. Они ждали её здесь? Или следили? «Рашид, домой. Немедленно». Обратная дорога была сущим кошмаром. Диляра подгоняла коня, мысленно уже видя усадьбу в огне, слыша крики. Но когда они вырвались на опушку перед Ак-Чишмой, их встретила та же снежная тишь. Ни дыма, ни суеты. У ворот, однако, стояло несколько коней, и среди них – рослый гнедой жеребец, которого она не знала. Рашид, увидев животное, широко раскрыл глаза. «Это... это конь Тимура Сафина». Так сосед, желающий купить луг, явился сам. Войдя в прихожую, Диляра услышала голоса из гостиной. Голос Айрата – спокойный, деловой. И другой – низкий, бархатный, с улыбкой в каждой ноте. «...конечно, понимаю вашу озабоченность, Айрат-эфенди. Но женщина в таком деликатном положении, одна... Мир жесток. Ей нужна опора, защита. А землям – сильная рука». Диляра сбросила тулуп на руки ошолобевшей Амины и вошла в гостиную. Айрат стоял

у камина. А у столика с Аметистом, положив ладонь прямо на серебряную оправу камня, как на что-то свое, стоял незнакомец. Высокий, статный, лет сорока, с черной как смоль бородой, тронутой проседью, и глазами цвета темного меда. Он был одет богато, но без вычурности. Его взгляд, встретившись с взглядом Диляры, вспыхнул искренним, теплым интересом. «А вот и хозяйка, – сказал Айрат, но в его тоне не было радости. – Диляра, представься, это наш сосед, Тимур Сафин. Он приехал, узнав о вчерашней метели, поинтересоваться, не нужна ли помощь». Тимур Сафин мягко убрал руку с Аметиста, сделал изящный, почти театральный поклон. «Диляра-ханым. Я слышал о вашей потере. Приношу свои соболезнования. И восхищение вашей стойкостью». Его слова были правильными, взгляд – обволакивающе теплым. Но Диляра, еще не остывшая от встречи в лесу, почувствовала лишь ледяную струю по спине. Он трогал её камень. И его люди, возможно, только что угрожали ей на её же земле. Она кивнула, сдерживаясь. «Благодарю за заботу, Тимур-эфенди. Помощи не требуется. Айрат, мне нужно с тобой поговорить. Наедине». Её тон был стальным. Тимур не смутился. Он лишь улыбнулся, и в этой улыбке было столько обаяния, что на миг Диляра усомнилась в своих подозрениях. «Конечно. Я уже задержался. Но позвольте, прежде чем уехать, предложить вам свою помощь иного рода. Через три дня в моем доме собираются старые друзья, немного музыки, разговоры. Одиночество – плохой советчик, Диляра-ханым. Было бы честью видеть вас в качестве гостя». Он снова посмотрел на неё, и в его взгляде было не только участие, но и откровенная мужская оценка. Диляра молчала. Айрат высказался за нее: «Это любезно. Сестра подумает». Когда Тимур уехал, Диляра выложила Айрату все, что произошло на лугу. Он слушал, хмурясь. «Бродяги. Наверное, браконьеры. Видели женщину, решили запугать. Не более того». «Один из них назвал меня по имени! Муратова!» – выкрикнула она. Айрат вздохнул. «Ты известная в округе фигура, Диляра. Не придумывай чертей там, где их нет. Что до Сафина... Он влиятелен. Богат. И, кажется, искренне заинтересован в тебе. Это шанс, который глупо упускать». «В мне или в моих землях?» – резко спросила она. Айрат посмотрел на нее долгим, непроницаемым взглядом. «Иногда, сестра, это одно и то же. Подумай о его предложении. Выйти снова в свет – это то, что тебе нужно». Оставшись одна, Диляра подошла к Аметисту. Камень снова был холоден. Но там, где лежала рука Тимура Сафина, на серебре, ей показался едва заметный, тусклый налет. Будто пепел.

Следующие три дня Диляра металась в нерешительности. Лесные всадники больше не появлялись, Рашид и другие слуги тщательно патрулировали границы, но все было тихо. Тишина была настораживающей. Айрат практически переселился в усадьбу, ссылаясь на дела, но его присутствие скорее угнетало, чем обнадеживало. Он часто переписывался с кем-то, отправляя гонцов, и разговоры его с управляющим были слышны за дверью – о возможных продажах, о долгах, которые неожиданно всплыли. О долгах Данила. Диляра не верила. Данил был бережлив и умен. Но бумаги, которые Айрат показывал ей, выглядели подлинными, с аккуратными печатями и подписями. Мир, и без того шаткий, рушился у неё на глазах. Накануне вечера у Сафиных Амина, помогая ей выбирать платье, неожиданно сказала, глядя в пол: «Ханым... Будьте осторожны с этим Сафиным. Мой племянник в его имении кузнецом работает. Говорит, конюхи у него особенные. Не наши. С востока. И глаза у них колючие». Это лишь укрепило подозрения Диляры. И тем не менее, вечером она стояла в наряде, который когда-то любил Данил – темно-синем, цвета ночного неба, расшитом серебряными нитями, словно звездами. Она ехала, чтобы посмотреть в глаза этому человеку. Чтобы понять. Айрат сопровождал её, его настроение было приподнятым. Усадьба Сафина поражала роскошью. Не старинной, родовой, а новой, демонстративной. Все блестело, сверкало, пестрило дорогами коврами и оружием на стенах. Гостей было много – местная знать, купцы, несколько ярких, громко смеющихся женщин. Тимур встретил её у самого порога, взяв за руку с такой нежной почтительностью, будто она была хрустальной. «Вы осветили мой дом, Диляра-ханым». Он не

отпускал её руку, провел по залу, представляя гостям. Взгляды были разные – любопытные, сочувствующие, завистливые, расчетливые. Диляра чувствовала себя экспонатом. Во время трапезы Тимур усадил её справа от себя. Он был прекрасным собеседником – остроумным, начитанным, тонко льстящим. Он говорил о поэзии, о новых книгах, доходивших из Казани и Оренбурга, о красотах Урала. Ни слова о землях, о долгах, о делах. Он создавал вокруг неё кокон восхищения и внимания. И против своей воли Диляра начала расслабляться. Вино, музыка, тепло – все это было так давно. Когда заиграли для танцев, Тимур пригласил её. Его рука была твердой и уверенной на её талии, вел он безупречно. В голове у Диляры слегка кружилось. «Вы невероятно легки, – прошептал он, наклонясь так близко, что она почувствовала запах его одеколона – сандал и что-то пряное. – Будто дух, готовый улететь. Но я бы очень не хотел, чтобы вы улетали». В этот миг, поворачиваясь в танце, она увидела через его плечо знакомое лицо. У края зала, в тени колонны, стоял один из лесных всадников – тот самый, со шрамом. Он смотрел прямо на нее, а потом, встретив её взгляд, медленно, почти незаметно кивнул Тимуру Сафину. И Тимур, не оборачиваясь, словно почувствовав этот взгляд, едва уловимо ответил кивком. Ледяная волна прокатилась по Диляре от макушки до пят. Все очарование рассыпалось в прах. Он знал их. Он послал их. Она чуть не споткнулась. «Вы устали, – мгновенно среагировал Тимур, крепче поддерживая её. – Простите мою настойчивость». Он отвел её к ложу, усадил, принес кубок прохладного шербета. Его лицо было маской заботы. Но Диляра уже видела за ней. Она видела холодный расчет в его медовых глазах. «Я... мне нужно воздух», – выдохнула она. Он проводил её в зимний сад, уставленный кадками с вечнозелеными растениями. Там было прохладно и пусто. «Я оставлю вас на минуту, восстановитесь», – сказал Тимур и вышел, но Диляра заметила, что он остановился за резной дверью, не закрывая её полностью. Она подошла к большому окну, пытаясь унять дрожь в руках. За окном, в свете факелов, во дворе метались тени конюхов. И среди них она снова увидела шрамованного. Он о чем-то быстро говорил с другим человеком, и в его жестах читалась ярость и разочарование. Потом он резко указал рукой в сторону, откуда лежала дорога к Ак-Чишме. Диляра отпрянула от окна. Ей нужно было уезжать. Сейчас же. Но как? Вернувшись в зал, она нашла Айрата в приятной беседе с купцом, явно обсуждая какие-то сделки. «Мне плохо, Айрат. Мне нужно домой. Сейчас», – сказала она тихо, но твердо. Айрат нахмурился, раздражение мелькнуло в его глазах. «Диляра, это невежливо...» «Сейчас!» – повторила она, и в её голосе зазвучали стальные нотки, которых не было уже много месяцев. Айрат извинился перед купцом. Тимур, подойдя, был полон участия. «Мои слуги, моя карета...» «Нет, – оборвала его Диляра. – Наши кони готовы. Благодарю за вечер». Она не дала ему поцеловать свою руку, быстро вышла в прихожую. Всю дорогу домой молчала, чувствуя, как спину ей прожигает взгляд Айрата. Он был зол. Очень зол. Как только они въехали во двор Ак-Чишмы, Диляра, не дожидаясь помощи, прыгнула с повозки и почти побежала в дом. В гостиную. К Аметисту. Камень лежал на своем месте. Но фиолетовый отсвет внутри трещин теперь пульсировал, слабый, но явный, будто тревожный сигнал. А на полу перед столиком, на самом видном месте, лежал маленький, смятый клочок бумаги. Она подняла его дрожащими пальцами. На нем было написано неразборчивым, торопливым почерком всего три слова: «НЕ ВЕРЬ ИМ. Д.». Буква «Д». Данил? Но как?... Сердце её заколотилось так, будто хотело вырваться из груди. Она обернулась. В дверях, залитый светом из прихожей, стоял Айрат. «Что это у тебя, Диляра?» – спросил он тихо. И в его тоне не было ни капли братской теплоты. Только холодное, цепкое любопытство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.